

Дмитрий Алексеевич Введенский. Начало

Среда, 13 июля 2011 (383 дня назад) | Опубликовал: [ЕС](#)

Рубрика: [Ташкентцы](#), [История](#) | Метки: [История](#), [Ташкентцы](#)

Н.Д. Введенская.

О своих родителях я знаю не очень много, как-то они не рассказывали, а я, к сожалению, и не очень интересовалась. Поэтому могу вставить в текст лишь несколько отдельных рассказов. Мой отец Дмитрий Алексеевич Введенский был врачом, участвовал в обеих мировых войнах, причем в Отечественной уже немолодым человеком, добровольно. С 1934 г. до ухода на пенсию в 1954 г. он заведовал урологической клиникой Ташкентского Медицинского Института (с перерывом на фронт).

Фото сделано 1935 или 1936 году в Ташкенте

Дмитрий Алексеевич родился в семье врача – уролога Алексея Андреевича Введенского. Алексей Андреевич (1852-1918) был сыном дьякона, но, окончив семинарию, поступил в Московский университет и стал врачом. Он был человеком, видимо, настойчивым, целеустремленным, активным. Работал сначала в московских больницах, в частности, в Мариинской больнице, занимался частной практикой, защитил диссертацию, перевелся в Томск, где стал сначала приват-доцентом медицинского факультета Томского университета, потом (в 1896 г.) профессором. Организовал (создал) там анатомический

театр, был директором Губернского тюремного комитета. Был награжден несколькими орденами, дослужился до действительного статского советника и даже получил потомственное дворянство. Вернувшись в Москву (1908 г.) купил дом на Патриарших Прудах, открыл урологический кабинет, а с началом войны (1914 г.) открыл небольшой госпиталь, который вырос в госпиталь на сотню коек. Деньги на госпиталь давала патриархия, а сам Алексей Андреевич и две его старшие дочери работали врачами (бесплатно), хозяйство вела жена.

Женился . Алексей Андреевич в 1984 г. на Александре Леонидовне Ященко, дочери своего пациента Леонида Несцеровича Ященко (или пациентки — его жены). Это была интеллигентная семья. В молодости Леонид Нестерович был народовольцем (или был близок к ним), сидел в Петропавловской крепости (Дмитрий Алексеевич говорил, что его арестовали за издание украинской грамматики). После, женившись на помещичьей дочери, он стал успешным адвокатом в Самаре, был, кажется, почетным гражданином города. Его дети получили хорошее воспитание и образование. Упомяну, что одна из дочерей – Вера Леонидовна Ященко — окончила высшие женские курсы и была врачом (или фельдшером). О разности семей (папин рассказ): во время какой-то из семейных встреч Алексей Андреевич и Александра Леонидовна садятся за стол, Александра Леонидовна приглашает свекровь присоединиться к ним. Та: « Что я, свинья что-л в пост так есть.» «А мы что, свиньи ?». «...Ну, вы образованные».

У моих деда с бабкой было 9 детей, по порядку: Александра (1885-1960), Дмитрий (1887-1956), Вера (1890-1960), Мария (1884-1950), Леонид (1896-1960), Татьяна (1898-1943), Надежда (1901-1971), Алексей (1903 – 8?), Николай (1906-1949).

Александра и Мария стали врачами. А.А. –терапевт, я знала ее в 40-50 гг., она, по-моему, отличалась добротой, редкой наивностью, бескорыстием и добросовестностью. Работала тогда в Москве в поликлинике. М.А. стала детским хирургом в Москве, кажется очень хорошим и известным, умерла она рано – инсульт. Татьяна была медсестрой. Вера окончила Томский технологический институт, стала инженером-дорожником (редкий случай для того времени), с 20-ых до середины 40-ых г. жила в Ташкенте, работала, по-моему, в горисполкоме. Надежда стала художницей, у нее не было специального образования, была она в Москве известна как красавица, сноха Горького, и как «опасная женщина» (чтобы не сказать резче) – ее мужей (после смерти Максима Пешкова) последовательно арестовывали – видно, так хотел «Хозяин».

Братья Дмитрия Алексеевича стали инженерами. Алексей учился в Томске, но большую часть жизни жил в Москве. У Леонида и Николая долго (или до конца ?) была в Москве одна небольшая квартира на двоих (и на семью Леонида). Оба перед войной работали на стройках: Николай — в Комсомольске-на-Амуре (или под ним), Леонид — в Магадане (этим трудно гордиться). Я их знала мало, из них, по-моему, самым приятным был Николай, который вскоре после войны умер от рака лимфатических узлов (тогда это не умели лечить).

Дмитрий Алексеевич родился в Москве, гимназию кончил в Томске (где тогда жила семья), стал студентом медицинского факультета Московского Императорского Университета. Он был очень компанейским, любил кутежи, был красив, при этом очень интересовался общественной жизнью, был эсером. Он рассказывал, что студенты, и он в том числе, ездили на похороны Л.Н. Толстого, несли гроб на руках. Гордился, что мелькнул в кинохронике, 10 раз ходил ее смотреть (тогда это было редкостью!).

Он был старостой курса, активно участвовал в студенческих забастовках (было наступление на студенческие вольности, Д.А. упоминал Плеве), за эти забастовки его исключили из университета (1910 г.?). Доучивался в Берлине (благо немецкий, как и французский, он знал), стажировался в Париже (тогда же или позже, но, естественно, до войны). Сдал экзамены на

лекаря в Московском университете, получил звание уездного врача (1912 г.). В конце 1912 года он был мобилизован (по призыву) и служил врачом Ивангородской крепостной артиллерии. Демобилизовавшись (в конце 1913 г.), работал в Брест-Литовске (такое было тогда название). Открыл кабинет, попросив у отца на это деньги, но отец прислал свой кабинет, и Д.А. стал заниматься там урологией. Видимо, ко времени службы в армии относятся его фотографии с матерью – они сделаны в Варшаве, он в форме.

Д.А. любил в молодости чудачествовать (хотя, конечно, наибольшим чудачеством уже не в молодости было дать дочери имя Никита). Он рассказывал, что на каком-то торжестве, где офицерам полагалось быть при высшем ордене, он явился с медалью в честь 300-летия дома Романовых (такие медали получали все госслужащие, вплоть до дворников). Его командир: «Что за гадость...?». Д.А.: «Вы считаете медаль в честь 300-летия дома Романовых гадостью?». (Видимо это относится ко времени войны, когда у него уже были ордена).

С началом войны в 1914 году Д.А. сразу был мобилизован (в августе) и послан на фронт. Как тогда писали: «Выступил в поход на театр военных действий в составе 219 Котельнического полка». Сохранилось его письмо с фронта (это письмо его брат Алексей отдал в музей Горького), где он пишет о плохой организации, плохом снабжении, огромных потерях, отсутствии энтузиазма у солдат, самострелах и т.п.

На полк, где он был врачом, была газовая атака – первая газовая атака на русском фронте. (Из Интернета : это 31 мая 1915 года у Воли Шидловской под Болимовым , в Польше).

Д.А. рассказывал, что они не знали, как надо спасать отравленных, не знали, что пришедшим в себя надо еще долго лежать. Делали, конечно, что могли.

После этой атаки Д.А. был награжден орденом Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантами – высшим орденом, каким он мог быть награжден по своему званию (это его слова). А всего за войну Д.А. был награжден 5 русскими орденами – упомянутым Владимиром, Св. Станиславом 3 и 2-ой степеней и Св. Анной с мечами и бантами 3 и 2-ой степеней. Позже еще солдатским Георгием. Так что, видимо, храбрости и инициативы у него было достаточно. О той войне я помню только один анекдот. Д.А. с фронта приезжает в Москву (когда – не знаю), заходит в кабак и, естественно, заказывает водочки. Подать не могут – сухой закон. «Ну, тогда чая, холодного и без сахара». (Он всю жизнь пил только такой чай). Подали пару – большой чайник с водой, маленький с заваркой. Он налил, большой был с водкой, маленький — с коньяком.

В 1916 г. русские войска – экспедиционный корпус – были посланы во Францию (и в Македонию). Офицерам, знающим французский, была предоставлена возможность поступить в этот корпус. Д.А. поступил и был прикомандирован к 5-му особому пехотному полку, отправлен во Францию – из Архангельска в Брест. С июля 1917 г. он – старший врач полка. За время службы во Франции (с 23 апреля 1916 г.) он получил 4 французских военных креста — один с бронзовой звездой, 2 с золотой звездой и один с пальмовой ветвью, там же он получил Георгия (в 1919 г.), видимо, когда служил солдатом.

Во Франции, 1916 год.

Когда в 1917 г. часть русских войск отказалась воевать (их французы подавили – как-никак – бунт в войсках), из русских частей, оставшихся верных присяге, был сформирован Русский Легион Чести. Д.А. вступил в этот Легион, но не врачом, а солдатом: «Выделен на оформление Русского Легиона Чести, формируемого из добровольцев, ... на правах солдата». Как он мне объяснил (я спросила: «Почему солдатом ?») – потому что узнал о смерти матери. Все дети Введенские очень любили мать. Это февраль 1918 г. За боевые отличия при Валер-Битонэ в мае переведен в ефрейторы.

Д.А. служил пулеметчиком. Судя по количеству атак, в которых Русский Легион участвовал, их бросали на самые горячие участки. В послужном списке упомянуты места: Вилер-Бритонэ (28 апреля 1918), Суассен (28 мая 1918), Тарни-Сорни (линия Гинденбурга, 2-14 сентября 1918), Шато де ля Мот (14-17 сентября), оборона сектора Шалепену (10-30 октября), переход из деревни Сольсюр в деревню Меревиль (ноябрь), вошли в Германию 19 ноября 1918 г. Именно во время службы в этом легионе Д.А. получил 3 из четырех французских крестов. И там же был награжден Орденом Почетного Легиона. Для солдата такая награда – нечто исключительное, да и русских офицеров с таким орденом, наверное, было немного. Я читала в сравнительно недавней русской публикации об экспедиционном корпусе (http://xxl3.ru/kadeti/rus_korpus.htm А. А. Хазов, Ген. секретарь Союза Русских Офицеров. Из журнала «Кадетская перекличка» № 46, 1989г.) написанное в восторженно-официальном тоне описание того, как русский офицер Дмитрий Введенский пошел в солдаты

и был отмечен за свою храбрость. И в альбоме А.Корлякова и Ж.Горохова имя Д.А. упомянуто («Русский экспедиционный корпус во Франции и в Солониках, 1926-1918, ИМКА-ПРЕСС»). Сам же он полунасмешливо говорил, что его представил командир к высокой награде, специально подчеркнув в приказе, что солдат Д.В. выставил пулемет и отбил атаку в присутствии его — самого командира — на передовой. И Д.А. замечал, что и стрелял-то он не совсем туда, куда было нужно (впрочем, это могло относиться и к другому эпизоду — он не делал из себя героя).

О фронтовой жизни я рассказов не помню. Разве что о том, что у них был мишка, привезенный из России.

Ранен Д.А. не был, но 2 раза был отравлен газом. Об одном из этих отравлений его рассказ: Было затишье, несколько дней не было газов. Он пошел навестить соседнюю часть, спустился в долинку,.... А очнулся на вершине холма, рядом лежала маска полная блевотины. Значит, в долинке скопился газ; почувствовав это, он бросился наверх, надев маску.

В феврале 1919 г. Д.А. было возвращено звание доктора и чин коллежского асессора, он при этом называется старшим врачом Легиона. В августе «убыл в Марсель для следования в Россию» кораблем, который шел во Владивосток. В Россию он рвался, хотел участвовать в построении новой страны (он — эсер...).

Вставка из недавнего времени:

Этой весной (2011 г.) в Историческом Музее была выставка, посвященная экспедиционному корпусу. Я пошла туда, разыскала устроителей, рассказала, что у меня есть кое-какие документы отца (у них документов о корпусе совсем мало). Договорилась отдать им то небольшое, что у меня (т.е. у папы) сохранилось, в частности, диплом Ордена Почетного Легиона, кресты, «опросный лист» вступающего в Русский Легион, демобилизационную выписку, где перечислены бои Легиона и награды Д.А. (ордена не сохранились — офицеры брали поносить).

Так вот там, хвастаясь, показываю Н.Р. Малиновской папин диплом (ее отец — Малиновский — совсем молодым был в экспедиционном корпусе солдатом, а уже маршалом в Великую Отечественную получил Орден командора Почетного Легиона). И тут, прочтя имя, Н.Р. говорит: «Так мой отец знал его. Он о Введенском писал». Оказывается, перед отплытием из Марселя Д.А. организовал группу Красного Креста и взял в санитары нескольких солдат (этим помог им попасть на пароход), среди солдат был Малиновский, тоже бывший пулеметчик. На пароходе они даже сдружились, во Владивостоке расстались. Владивосток был тогда под Колчаком.

В письме сестре Александре (1920-21 г., это письмо тоже в музее Горького) Д.А. писал, что с офицерами на пароходе он плохо сходил (у них были очень разные политические взгляды), и что на него был донос. Мне (или при мне) он рассказывал: донесли, что он дружит во Владивостоке с чехами, а чехи «все время бузили». Приятель из штаба (папа был очень компанейским, в молодости приятелей было много) сказал: «Митька, беги». «А мне — говорил папа — приходилось кутить в компании вместе с Думбадзе, начальником контрразведки Колчака, я слышал его рассказы, как они расстреливали комиссаров, целясь в задний проход». «Как ты бежал?», спросила я. «Сел на поезд и уехал». Приехал в Томск — все-таки родной город, к тому же там жила сестра Вера и туда же прислали нескольких из младших детей. Папа — офицер (или просто врач?), его направили в военный госпиталь. В упомянутом письме сказано, что это был заразный госпиталь (свиерепствовал тиф), Д.А. развернул его до 900 коек, что Д.А. было трудно налаживать хозяйство, не знал госпитального устройства. В декабре 1919 г. Томск взяли красные и госпиталь (так я поняла из рассказов) стал госпиталем Красной армии, а папа — командиром Красной армии. Д.А. писал сестре, что ему не по пути ни с диктатором Колчаком, ни с диктатурой коммунистов, но он поддерживает советское правительство — надо поэтому работать, но заниматься не

общественной деятельностью, а медициной (в письме много гражданского пафоса). В госпиталь направили комиссара – матроса. Появилась анкета, где Д.А. написал, что он эсер. «Дурак ты, Митька – сказал комиссар — этого писать не надо».

Д.А. заболел тифом с тяжелыми осложнениями, болел долго, после этого был направлен в другую больницу, в терапевтическое отделение, что его профессионально не интересовало. Он хотел заниматься урологией, готовить диссертацию, работать в университете, просил прислать оборудование кабинета отца....

В Томске, уходя из Перми от красных, оказалась моя мама, она поступила работать в папин госпиталь, так они познакомились (ей было 20 лет, ему 33 года). Как говорила мама, папа предложил ей выйти за него замуж, она долго думала и согласилась. Что значит «долго» я не спросила, но, видимо, поженились они скоро. Они даже венчались. «Тогда это было для меня важно», объяснила мне мама (ни она, ни папа религиозными не были). Поженившись, они пришли домой и пили чай с вареньем. (Вот такой рассказ).

Мама росла и училась в гимназии в Перми, ее отец, Андрей Александрович Каллистов, был фармацевтом (кстати, он был из поповичей). Мамина мать умерла в 1915 г., когда началась гражданская война младший брат – гимназист – ушел добровольцем в белую армию. Он погиб от тифа. В Перми с отцом осталась младшая сестра, еще девочка.

Мама с папой прожили всю жизнь очень дружно. Всем хозяйством ведала мама, папа принимал только редкие кардинальные решения типа: идти на фронт или нет. При этом они всю жизнь называли друг друга как при знакомстве, на Вы, он ее: «Верочка», она его: «Дмитрий Алексеевич», точнее «Димисейч».

У папы был нелегкий характер, он был очень упрям, о таком говорят: «Если шлея под хвост попадет, то все...». Когда мама была недовольна и сердилась на папу, она говорила: «Димисейч, Вы сошли с ума». Он обычно отвечал: «Верочка, выпейте бромур», а в более резких случаях: «Верочка, поставьте себе клизму». Папа, мне кажется, никогда «не выражался». Рассказ из позднего времени моего друга Юлия Хавкина, который студентом присутствовал на операции: Д.А. на кого-то страшно обозлился и крикнул: «Потрудитесь выйти вон»....

В Томске было голодно, папа болел, хромал. Решил на время перевестись в ташкентский военный госпиталь. По дороге он отстал от поезда – всю жизнь любил выскочить на остановке, побежать на привокзальный базарчик. А тут хромал и не успел добежать. Мама очень испугалась, плакала.

В Ташкенте работал Михаил Яковлевич Громов — инженер, учившийся раньше в Томске, за которого вскоре, разведясь с первым мужем, вышла замуж сестра Вера. Он помог, подарив папе с мамой, когда они приехали, мешок сушеного урюка. Папа стал работать в военном госпитале, потом хирургом в городской больнице, имел частную практику, и уже потом перешел в медицинский институт, и примерно тогда же закрыл частный кабинет.

Вскоре после переезда моих родителей в Ташкент к ним приехали жить папин младший брат Николай и мамина сестра Валентина, тогда – подростки, жили с ними несколько лет.

Дмитрий Алексеевич Введенский.

Окончание

Среда, 13 июля 2011 (383 дня назад) | Опубликовал: [ЕС](#)
Рубрика: [Ташкентцы](#), [История](#) | Метки: [История](#), [Ташкентцы](#)

Н.Д. Введенская. [Начало.](#)

Я родилась в 1930 г., мало знаю о жизни в Ташкенте в 20-ые годы.

Когда (в 20-ые годы) организовался ташкентский университет (тогда Туркестанский), мама поступила на юридический факультет, хотя позже по специальности не работала (да и вообще не работала кроме как во время войны, когда папа был на фронте).

Жизнь была устроена «по старинке»: целый ряд услуги — домработница (прислуга) Ариша, потом, когда я была маленькой, была еще нянька, белье стирала другая женщина — Нюра. По дому если надо, помогал Петр Иванович, которого папа звал Петькой — он раньше был папиным санитаром в ташкентском госпитале (или кем-то типа денщика), а потом стал милиционером, был очень предан нашей семье, помогал, когда папа был на фронте, привозить уголь... Были и другие люди «на подхвате». Ариша потом у нас уже не работала, только гладила белье, но когда папа умер, она пришла к маме и сказала: «Вера Андреевна, теперь у Вас нет денег, я буду работать на Вас бесплатно, я ведь у Вас на пенсию заработала».

До войны по утрам дворы обходил узбек-молочник, громко крича: «Кисло-пресно молокое продаем» (в молоке — ее (ие) с точками). Цветы и лепешки продавцы носили на голове в больших плоских корзинах. Продукты покупали на Алайском базаре. Рядом с нами в 30-40-ые гг. жил охотник-рыболов (точнее — браконьер), он снабжал фазанами и икрой (привозил огромных осетров), свежую икру покупали килограммами.

У родителей, естественно, в Ташкенте появились знакомые, все были молодые, катались на извозчиках по городу, кутили — тем более, что еще помнили нравы офицеров далекой провинции. Были знакомые врачи, мама любила музыку (папа — нет, хотя танцевал очень хорошо, в молодости, бывало, руководил балами), у нее появились знакомые музыканты. Кое с кем знакомство продолжалось всю жизнь, с кем-то рассорились или разошлись.

В Ташкенте еще до революции была большая русская колония — офицеры, врачи, учителя. Я упомяну, не следуя хронологии, тех, кого знала сама или о ком слышала. В новый университет приехали молодые люди, у нас всегда бывал биолог Николай Дмитриевич Леонов (его упоминает Н.Я. Мандельштам, как «абсолютно своего человека»), его другом был известный лингвист Поливанов, арестованный и погибший (в Ташкенте?). У Леонова была большая библиотека, мама брала у него книги. Из известных людей — врачей, в Ташкенте какое-то время был Войно-Ясенецкий (папа бывал на его операциях и его поразило и насмешило, что перед гинекологической операцией В.-Я. благославлял место будущего разреза). Уже после войны я видела в доме у Ошанина — друга Войно-

Ясенецкого – фотографию: В.-Я. в епископском облачении, и надпись: «Мной кокетничают перед заграницей». Дочь Ошанина — Елена Львовна — учила меня английскому (она потом была профессором САГУ —Ташкентского университета). Мамина ближайшая подруга Ирина Николаевна Карелова (дочь офицера, служившего в Туркестане) была учительницей музыки. У них дома, приходя в гости, знакомые устраивали небольшие домашние концерты. Позже иногда это бывало у нас (впрочем, папа уходил на время исполнения играть с приятелем в шахматы). Родители были знакомы с высланным в Ташкент композитором Николаем Федоровичем Козловским и его женой Галиной Лонгиевной, с астрономом Владимиром Петровичем Щегловым и его женой (с ними познакомились, наверное, когда теща Щеглова стала учить меня немецкому, замечательная была учительница !). Папа дружил с Вольдемаром Мартыновичем Аритом, некрупным партийным работником, он был из латышских стрелков, а его жена Лидия Семеновна – многолетняя папина пациентка. Ариты меня любили и много со мной возились. Позже, в доме отдыха в Тамге родители сдружились с семьей Сальниковых, он был военный, штабной работник. . Были знакомые археологи. Близким знакомым, другом, был Михаил Александрович Салье, арабист, переводчик, они с папой обсуждали «политику» — мировые проблемы и новости.

Из врачей был старинный приятель Александр Семенович Кайзер, не близко, но семьями были знакомы с помощником папы по клинике Элизаром Абрамовичем Фракманом (он замещал папу во время войны). Папа был с ним на Вы, но я помню, как в разговорах о делах по телефону он мог сказать: «Елизарчик, прошу тебя...». В разное время были ассистенты Вера Борисовна Симонова (она как-то очень почитала папу), Мария Борисовна Левитанус, Ирина (?) Шубладзе. После войны и фронта в клинику пришла Татьяна Николаевна Позднякова, с ней и ее мужем профессором ТашМИ Волинским родители дружили в последние годы (Потом Т.Н. заведовала урологической клиникой ТашМИ). Из военных врачей: Илья Абрамович Эскин, Асир Абрамович Койсман. Соседкой была хороший хирург Мария Яцентьевна Завадская, из врачей-узбеков помню Мирсагатова (он тоже был фронтовиком). А из детства помню детского врача Гиритовского, уролога Томашевского (он потом заведовал клиникой во Фрунзе). До войны часто бывал доктор Ормай (венгр, как-то оказавшийся в стране после Первой мировой). Потом он пропал, и только много лет спустя я поняла, что его посадили (мне тогда этого не объясняли). Еще был профессор ТашМИ (фамилию, увы, забыла), который учился в Москве на одном с папой курсе, они иногда (еще с кем-то) играли в винт (или вист ?).

Близкой была семья Громовых (моя тетя Вера Алексеевна и ее муж Михаил Яковлевич), у них был довольно большой дом, комнат на 5, и большой сад, виноградник – они были очень хозяйственные.

В Ташкенте у многих врачей, а тем более у профессоров, были дома с садами, обычно более-менее в центре города (русского, конечно, города, не в «Старом городе» — узбекском). У моих родителей никогда ничего такого не было, денег не копили. Жили в

большой (под 60 м.) двухкомнатной квартире (это после 38 г., до того квартира была поменьше). Дом, естественно, одноэтажный, дореволюционной, видно, постройки, толстые саманные стены, высочайшие потолки, большие окна (5 окон), два входа: «парадный» с улицы и «черный» — через общую (!) кухню на большую (общую) веранду и во двор. Никаких удобств – уборная (и помойка) в конце большого двора (семей на 15), холодная вода из колонки во дворе. Для отопления печь на 2 комнаты (топили углем и саксаулом). Готовили на примусе, потом на керосинке. Мебель вся случайная, чтобы было удобно: кушетки, обеденный стол, стулья, папин и мой письменные столы, рояль, большой шкаф, много книжных полок... Правда, был еще дубовый сервант, явно из московского дома Введенских – парный к нему огромный буфет стоял в Москве, в комнате (единственной) у папиной сестры Александры. На стенах, как принято было в русских домах, большие сюзаны (одно из них продали в войну). И драгоценностей, колец и т.п. у мамы не было. Только когда мне – уже студентке – мама подарила кольцо с бриллиантом, папа спохватился : «У Никитки есть, а у Вас – нет» и купил маме такое же.

Квартира была в самом центре, на широкой улице (тогда – ул. Сталина), очень зеленой, по ней, как полагалось, протекал арычок, напротив дома были даже дубы и платаны (чинары). Изредка мимо проходил небольшой караван верблюдов.

На моей памяти раза 2-3 папу приглашали на устроенный в его честь той – узбекский очень длинный обед, он брал нас с мамой. Той начинается с достархана –чая с фруктами и сладостями — и очень нескоро кончается замечательным пловом.

Летом из Ташкента уезжали (месяца на полтора?). Сначала обычно в Россию, под Москву на дачу, заезжали иногда в Пермь к моему деду. Ездили, естественно, поездом, международным вагоном (купе на 2 места с умывальником на два купе). Потом, году в 1935 на мое счастье поехали в дом отдыха на Иссък-Куль, в Тамгу. Я навсегда полюбила горы Средней Азии и просилась в Тамгу, были там несколько раз. Там папа ездил на охоту в горы, все вместе ловили на удочку мелкую рыбешку в Иссък-Куле. После войны ездили в Прибалтику, под Ригу, благо там некоторое время жила мамина сестра (ее муж Платон Александрович Самойлович был портовым инженером). Во время войны, естественно, никуда не ездили.

Во время работы Д.А. в городской больнице, в 1931 (или конце 30-ого г.) произошло событие. В Ташкенте всем бывшим эсерам предложил зарегистрироваться. Мама была против, а папа : «Как же я, эсер...». Все арестовали. Папу спасла Екатерина Павловна Пешкова, председатель Политического Красного Креста (она многих спасала!). Она прислала телеграмму в защиту, и его отпустили (для Ташкента оказалось достаточно)., Обратились ли к ней родственники как к свекрови Надежды Алексеевны, или иначе – не знаю. Зато видела, с какой почтительностью папа к ней всегда обращался (я тогда не знала – почему). По рассказам мамы, по репликам Громова, я знаю, что папа страшно испугался, боялся, по-видимому, всю жизнь. Всегда потом старался держаться осторожно. Зная, какая «контра» мама, не разрешал ей разговаривать о политике. Многие так жили...

Я помню, как во время больших процессов папа с Аритом, припав к приемнику, слушали сводки (или трансляции из суда?). Что каждый из них думал? За несколько месяцев до

смерти папа узнал содержание доклада Хрущева, это произвело на него очень большое впечатление....

Распорядок жизни был очень четким. Утром папа уходил в клинику (или на лекцию – это все на территории ТашМИ). У него бывало по 3-4 операционных дня в неделю, возвращался часов в 5-6 (ездил на трамвае, иногда часть пути шел пешком), обедал, потом отдыхал. Вечером читал, иногда раскладывал пасьянс. Конечно, иногда ходили в гости или в театр. Вечером обязательно звонила дежурная сестра, а если был тяжелый больной – дежурный врач. И что бы папа ни делал – спал, читал – на звонок из клиники его всегда звали. Он вообще очень ответственно относился к своей специальности, тяжело переживал гибель больных. Средняя Азия – область мочекаменной болезни. В кабинете папы в клинике стоял стенд с образцами гигантских, с кулак, камней, удаленных при операциях. Говорили (и писали), что папа был хорошим, смелым хирургом. Он был сторонником одномоментных (двусторонних) операций на почках, считая, что одновременное удаление камней больной переносит легче. Он одним из первых в Союзе стал применять рентгено-контроль при операциях. Кроме клиники он консультировал в военном госпитале, в других больницах. Принимал активное участие в организации скорой летной помощи, сам летал по вызовам. Надо ли говорить, что если кому-нибудь было плохо во дворе или вообще в окрестности, бежали к Д.А.. Он шел, смотрел больного, если надо – звонил на «Скорую», там его знали и приезжали немедленно. Было много людей – хроников, которые лечились у него годами, естественно, бесплатно. Его и больные и персонал очень любили. Кстати, замечание – в клинику спускали указания на большие суммы подписки (обязательная подписка на облигации), народ был бедный и папа брал на себя большие суммы.

Заниматься мной у папы было мало времени, хотя я помню, как меня маленькую он водил вечером посмотреть иллюминацию. Помню, услышав (мне лет 9), что у него есть «враг», я спросила кто это (наверное, говорили о какой-то ссоре). Из ответа помню только замечание: «Если у меня с человеком плохие отношения, я никогда не говорю о нем плохо». Конечно, папа следил за маминым и моим здоровьем (но не за своим). Когда мне делали операцию по поводу аппендицита (оперировать папа попросил профессора Ясевича), он был в операционной, стоял за моей головой, но, естественно, не вмешивался.

Папа был знаком со всеми моими школьными друзьями, даже как-то во время вечеринки у нас учил мою подругу Матлюбу танцевать мазурку. А когда я уже училась в университете, родители, приехав в Москву, пригласили двух моих друзей – Успенских – в хороший ресторан. Нам повезло – попался старый официант, папа вспомнил свою ресторанныю молодость, они оба получали видимое удовольствие, играя друг на друга, а когда папа заказал растягайчики, официант поклонился поясным поклоном и произнес: «Умер Тестов».

В 1941 году, за неделю до начала войны папа защитил докторскую диссертацию (диплом датирован более поздней датой). В воскресенье 22 июня встали не рано, день выходной, папа сел к приемнику (СВД-1) – покрутить, послушать мир. Было около 10 часов утра по Ташкенту (7 по Москве, 5 по Европе). И тут он услышал немецкого диктора, который вещал о том, что они нас бомбили. «Беги к Салье, скажи, что началась война». Салье жил

в двух небольших кварталах, ни телефона, ни радио у него не было (тогда приемник был редкостью, а телефонов в Ташкенте было совсем мало). Когда я влетела к Салье, он как всегда сидел за столом и работал. Услышав, схватил костыли и, почти бросая их перед собой, поспешил к нам (у него были парализованы ноги, он передвигался с большим трудом). Он знал английский, так что они с папой слушали уже радио на 3 языках, весь мир говорил об одном (очень хорошо была слышна Индия). И только через несколько часов выступил Молотов. Папа сказал: «Война продлится год-полтора». Ошибся сильно, но кто тогда говорил о годах? И в тот же день папа объявил: «Я пойду не фронт».

Вскоре в парке при доме Красной армии был выпускной вечер ТашМИ, я знала, что папа – декан сан.- фака — будет выступать и пошла послушать. Он умел произносить речи. Напутствуя молодых врачей (практически все пошли на фронт) он сказал, что сам подал заявление на фронт. Ему отказали – немолодой профессор (54 года), зав. клиникой, консультант всех эвакогоспиталей (их в Ташкенте было потом много). Ответ был: «Стремление Ваше вступить в ряды действующей армии в настоящее время удовлетворено быть не может....Зам комвойсками САВО генерал-майор Курбатский». Он настаивал. Обратился к сестре Надежде (она же – Тимоша Пешкова), у которой были влиятельные знакомые—поклонники (она была красива и, главное, обаятельна). Она похлопотала — отказали. Тогда папа драматически обратился к ней опять: «Твой старший брат впервые просит тебя о помощи!». Н.А., она была в эвакуации в Ташкенте, снова попросила А.Д. Сперанского – у него был очень высокий чин в армии. Папа комментировал успех хлопот в обычной своей манере: «С. сказал – раз он такой идиот, пусть идет ». Так, в конце 42 г., мы узнали, что папу, наконец, мобилизуют. Надо ли говорить, что мама была против.

Летом 1941 г. в Ташкент к нам приехали эвакуированная из Ленинграда мамина сестра и эвакуированная из Москвы жена папиного брата Алексея с 2 своими детьми и с маленькой племянницей (Ташкент был переполнен, люди жили и умирали на улице, помню опухших от пеллагры нищих....). Но к концу 42 г. мамина сестра уехала к мужу в Архангельск, невестка вернулась с детьми в Москву. Стало ясно, что с папиным отъездом нас уплотнят. И тут по цепочке знакомых мы узнали, что комнату ищет ленинградская семья: математик Герш Исаакович Егудин и филолог Елена Феликсовна Пуриц (их вывезли весной из Ленинграда на Кавказ, а из Пятигорска от немцев они ушли пешком). Егудины въехали к нам еще при папе. Это была удивительная удача – на всю жизнь они стали нашими ближайшими друзьями.

Папа на мед. комиссии скрыл, что у него куриная слепота (Я после войны спросила, как ему было, раз он не видит в темноте. «Упал как-то в яму», ответил он). Сама комиссия состояла из молоденьких врачей. Одна подскочила: «Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич», другая: «Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич , раздевайтесь до пояса» (полагалось до гола). Словом, смотреть они его не стали, сердца, наверное, не прослушали. Папа уезжал вечером, в темноте подошел грузовик, на котором ехали провожающие на вокзал сотрудники клиники. Меня не взяли. В тот день я спросила папу: «Почему ты идешь на фронт?». «Я был в Первую мировую и знаю, что близко от линии фронта нужны хорошие хирурги». Это я запомнила навсегда.

Д.А. стал подполковником, был на 1-ом Украинском фронте. Он был начальником группы мед-усиления. В группе он, женщина-врач, 3 сестры, санитарями работали легко раненные (есть фотография, но, к великому сожалению, не знаю имен – не сохранила военных писем). Мне объясняли потом, что работа в группе мед.-усиления из самых трудных. Они не при одном госпитале, а их перебрасывают туда, где особенно много раненых. Были они обычно км. в 30 от линии фронта. Папа как-то сказал: «Пришлось двое суток не отходить от операционного стола». У всех фронтовых врачей такое бывало.

Был какой-то период, когда долго не было писем (вообще-то папа писал регулярно). Мама была в такой панике, что Вера Алексеевна успокаивала ее, говоря: «Ну, может быть, у него появилась другая женщина, и он не хочет Вам писать». . . Как-то, не помню года, пришел солдат с подарком мне от папы. Оказалось, что с фронта в Ташкент шел эшелон и папа попросил сопровождавшего этот эшелон солдата занести мне швейцарские часы. Часы папе дал в госпитале политрук, заметив, что у него часов нет. Политрук отобрал эти часы у самострела, который снял их с убитого немца, такая история у часов. Знаю, что когда взяли Киев, папа там оказался и прислал телеграмму (единственную за войну): «Жив, здоров, Митя Крещатик». Видимо, цензор пропустил, а мама знала, где Крещатик. И еще забавный рассказ: как-то на фронте его узнал молодой врач и покаялся: «Эх, профессор, если бы я Вас не обманул, все еще был бы студентом». Дело в том, что в Ташкент эвакуировалось масса студентов из мединститутов, они поступали в ТашМИ. Деканы – Введенский и Волынский – проверяли зачетки, сверяли подписи, чтобы взять на правильный курс. Этот студент с компанией ребят из того же, что он, института, согласно подделали зачетки и поступили, пропустив курс (или 2?). А тут 41-42 гг., ускоренный год за два – и на фронт.

*Несколько снимков в одной «рамке» —
вверху — на фронте (43 или 44 г.), справа вверху — 30-ые годы, внизу — группа мед
усиления на фронте и справа внизу — в клинике после войны.*

Д.А. с войсками вошел в Германию, кажется, был в Вене (но тут я, может быть, вру). Где-то в Германии он был на постое в доме учителя, попросил из любопытства дать ему почитать «Mein Kampf». Учитель сказал, что у него нет, но принес экземпляр с готическим шрифтом, папа попросил с латинским. С учителем разговорились, папа рассказал о семье, сказал, что он профессор, приврал, что у него дом и, перечисляя комнаты, забыл назвать столовую. Его переспросили. «В Азии тепло, едим на веранде», вывернулся он (вот вам «гордость советского человека»). Из Германии он посылки не посылал, привез с собой приемник (хотя наш, арестованный, после войны вернули), несколько подарков: какую-то вазочку, 3 шкурки рыжих лис, еще что-то и по платью маме и мне. Эти платья оказались у него так: немцы, у которых он стоял на постое, куда-то переезжали, взяли все вещи, но оставили два платья. Папа решил, что это – подарок для нас.

На фронте (43 или 44 г.) — ДАВ слева в 1-ом ряду.

За войну он был награжден орденом Красного Знамени. Вернулся он летом (в конце лета) 1945, очень постаревшим и довольно больным (я помню, когда поезд подходил к перрону, он по пояс высунулся из окна, и меня поразило, что он был совершенно седой).

В приказе об снятии с военного учета сказано, что он служил в Красной Армии с 24 декабря 1919 г. до 24 марта 1924 г. и с 9 января 1943 г. до 27 августа 1945 г.... Снова стал работать в клинике (очень много), был деканом. Стал заслуженным деятелем науки Уз. ССР, получил орден Ленина за выслугу лет.

У меня переписан текст приказа 1946 г., где директор ТашМИ благодарит Д.А.В. за 25-летнюю работу в Институте и награждает его месячным окладом, отрезом шерсти и отрезом шелка.

С 1946 г., летом, как я упоминала, стали летать через Москву в Ригу, на взморье (самолеты до Москвы по дороге садились тогда один – два раза).

После войны в военном госпитале в Ташкенте.

Плохо было то, что у папы все время ухудшалось зрение. Что это было, я не знаю, диагноза не слышала, но у него катастрофически сужалось поле зрения. Лечили его и в Ташкенте и в Москве, но безрезультатно. Видимо, это было наследственное – его дед Яценко ослеп в конце жизни. А потом у него сделался инсульт (в конце 40-ых). К счастью, не сильный, он оправился и даже снова оперировал. Операции пришлось прекратить из-за глаз, сердце тоже работало плохо. Ему пришлось уйти на пенсию, и два года он не работал, что было для него ужасно – скучал по работе, по клинике. Врачи приходили, рассказывали, что там происходит, но это было не то. Да и читать он уже не мог.

Дмитрий Алексеевич умер от инфаркта (11 сентября 1956 г.), внезапно. Так случилось, что в момент, когда сердце остановилось, к дому подъехала и входила в комнату лечившая его врач, профессор Павлова, но сделать она ничего уже не смогла.

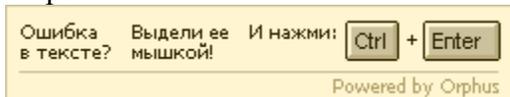
Когда о нем вспоминали, всегда начинали так: «Какой был красивый человек. И какой замечательный».

Никита Дмитриевна Введенская,

Сотрудник Института Проблем Передачи Информации РАН,

e-mail : ndv@iitp.ru, (7 495) 4323188 , июль 2011-07-03

8 просм.

Комментариев: 2

- *Татьяна* :

[13/07/2011 в 22:35](#)

Как все-таки тесен мир! Зав. кафедрой романо-германского/ английское отделение/ была та самая Елена Львовна Ошанина/ Майская/, которая вела у нас лексику и внеклассное чтение — человек необыкновенного благородства, ума и доброты. Мы все ее любили и глубоко уважали. Она была чудесной женщиной, и я всегда ее помню.

А профессор Мирсагатов, — о нем я писала, — был моим соседом по улице. Совершенно необыкновенный человек! Большой друг нашей семьи. С его дочерью Таней, родившейся в один день со мной, только годом позже, мы дружили. А его старший сын Вильям учился вместе с моей сестрой. в ТашМи. Моим соседом был и профессор Кайзер, живший на Малясова. в большом сером доме...

[Ответить](#)

- *МК* :

[14/07/2011 в 01:13](#)

Хороший текст. Замечательный человек.

И хотя проф. Введенский умер за пять лет до моего рождения, был мне коллегиальный привет от него.

Году в 85-86-ом зеленым интерном принимал я сильно пожилую женщину в хирургическом отделении медсанчасти Главташкентстроя, старой Жуковской больницы, в том самом отделении, где оперировал Войно-Ясенецкий, показывали даже место в предбаннике операционной, где стояла его икона. Не помню, чем была больна та пациентка, но только осматривая ее я увидел длинный тонкий шрам на передней брюшной стенке и поинтересовался, откуда он.

Она и рассказала, что когда была молодой, беременной, застрял у нее камень в мочеточнике и оперировал ее профессор Введенский.

Представляя тогдашний уровень и оснащенность медицины, я осторожно поинтересовался: что же стало с беременностью.

-А он на следующий год на пенсию выходит, -сказала она.

Вот это и был привет. Удалить камень из срединного мочеточника при беременной матке — это высокий класс, тот, кто понимает, подтвердит.

